

ПЕСНЯ СЕВЕРА

Соловецкий Лабиринт позвал меня в середине зимы, как раз на мой день рождения. Пришлось собираться и ехать. Лучшее время для Белого моря и Соловецких островов – короткое северное лето, белые ночи. И вот я здесь, а Север поет мне свою песню.

Камни

Первым делом, конечно, я пошла на Мыс Лабиринтов на Большом Соловецком острове – раз позвали, надо показаться, поздороваться.

«Танцующие» березы, сказочные ели, поросшие мхом, и совершенно потрясающие камни. Этот пейзаж выглядит вневременным и величественным, словно людей нет и в помине.

Камни я не зря отметила. Здесь это отдельная, выдающаяся форма жизни. Я не шучу! Никогда не видела таких самодостаточных камней, полных чувства собственного достоинства и значимости! Они привлекают внимание, присутствуют в пространстве важно и весомо. Каждый точно на своем месте, как предметы на алтаре.

Позже, побродив по острову и освоившись, начинаю ощущать, что все камни здесь еще и связаны воедино, как грибы грибницей или деревья корневой системой: взяла в руки один и четко почувствовала, что он не сам по себе, а часть чего-то большего. И через этот конкретный можно дотянуться до любого другого.

Не случайно в лапландском шаманизме работа с камнями – собранными в Лабиринты и сейды – занимала важнейшее место. Каменные сейды, как культовые сооружения древних саамов (они же лопари, лапландцы), считались обиталищами духов и, помимо прочего, воспринимались как врата между мирами. Много преданий связано с сейдами. Одно из них сохранило описание такого «перехода», когда заблудившийся в пурге охотник, обойдя мегалит, внезапно оказался в ином мире, населенном счастливыми предками. Находясь «в гостях», охотник переждал пургу и вновь вернулся в наш мир.

После Мыса Лабиринтов – куда же без этого? – отправляюсь в Соловецкий монастырь. Тоже, кстати, сложенный из камня. Сравниваю их про себя. Соловки известны в первую очередь Монастырем и лишь во вторую – Лабиринтами. Что вполне закономерно: Монастырь невероятно «говорлив», изо всех сил привлекает к себе внимание: реклама, экскурсии, открытки, книги, значки и т.п. Лабиринты – «молчуны» (нет никакой рекламы, сувенирки, открытой информации о них в разы меньше). И вообще хоть сколько-то известен только один из них – Лабиринт на Большом Заяцком острове. Хотя на островах Белого моря их десятки! Словно глаза отводят ненужным людям. При этом чувствую, что Лабиринты, несомненно, гораздо мощнее Монастыря. Взять хоть бы такой показатель: за несколько тысяч лет своего существования они в большинстве своем сумели сох-

ранить целостность, только укрылись мхами и лишайниками. Их не сокрушили ни века христианства, яростно искоренявшего все языческое на этих землях, ни советская власть. Тогда как Монастырь, хоть и более молодой, не смог себя уберечь от невзгод, а в XX веке изрядно пострадал – от советской власти – и долго находился в запустении. Может, монахи-строители, в отличие от саамов, не знали, что местные камни – единая система и у каждого в ней свое место?

Лес

На Соловках совершенно волшебный лес – он тоже как отдельное живое существо, единый организм. Ельники, сосняки, криволесье, непроходимые болота с россыпью ягод, мхи и лишайники.

Лесные слова замечательны, а большинство совершенно мне незнакомо. Поповник, кошацьа лапка, звездчатый горошек, золотарник, полевая рябинка, кипрей. Брусника, черника, голубика, клюква, морошка. Клевер, овсяница, лисохвост. Вереск, пушица, багульник. Волчегородник обыкновенный, любка двулистная, ятрышник широколистный, гирчовник северный, горчица морская арктическая. Лисохвост звучит милее всего!

Вспоминаю здесь картины Константина Васильева, посвященные магии Русского Севера. Она действительно здесь – лишь руку протянуть! Язычество прописано в пространстве большущими буквами! Несмотря на все попытки сначала христианства, а потом и советской власти – через хищническую вырубку леса в годы ГУЛАГа – искоренить его, самоутвердиться на его месте. Лес похож на Солярис Лема: одушевленная стихия со своей внутренней жизнью, внечеловеческая, неподвластная социуму. Как и Лабиринты, укромная, негромкая, умеющая отводить глаза случайным людям.

Это чудо несут в себе и отдельные деревья, даже в жилой части острова. Так, с первого дня приезда в окно столовой я видела высокую засохшую сосну без вершины. Она постоянно требовала внимания, приглашала в гости. Величественное, могучее растение. Старое и очень женское. Рядом с ней у меня возник образ древней северной колдуньи. Представилась Наина из «Руслана и Людмилы». Несмотря на внешнюю сухость и безжизненность сосны, в ней ощущались мощные внутренние силы, сильнейший поток жизни.

Чудесные дары леса можно встретить повсюду. В том числе в сувенирных лавках. В одной из них я увидела очень простых кукол, сплетенных из травы вроде мятлика. От них невозможно было отвести взгляд. Подумалось, что именно так должны выгля-

деть родовые обереги. Например, сказочная куколка Василисы с материнским благословением. Такая в них природная женская сила! Продавец – непростой мужичок с бородкой – рассказал, что есть тут у них одна мастерица, которая собирает в лесу особую траву и делает из нее кукол. Видимо, местная «сестра» полесской Олеси.

Духи

На островах Белого моря полным-полно невероятных природных явлений, которые просто невозможно не облюбовать: камни необычной формы или со странным естественным рисунком, особенные растения – деревья, сухие коряжки, ветки затейливой формы и цвета. У них настолько яркая индивидуальность, несомненная одушевленность, словно духи этой земли, застигнутые врасплох, «натянули» на себя первый попавшийся облик, как личину, и застыли, поджидая, когда вы отвернетесь.

Гроза

Вспоминаю другую мою поездку на Белое море – не на Соловки, а в необитаемые Кемские шхеры. Как-то я попала ночью в сильнейшую грозу. Перед ее началом огромные дымчато-серые тучи сгустились долго и обстоятельно – нагнетали напряжение перед выходом примы. Развернувшись на весь неохватный морской горизонт, величественно катился грозовой облачный вал, – дракон бури! – посверкивая острым раздвоенным языком молний. Гроза была мощной и страшной, как явление древних богов. Городскому жителю и не представить. Ливень и град я встретила в узкой одноместной палатке, где можно было поместиться только лежа. Ветер прогибал ее до самой земли. В тот момент я со всей несомненностью знала, как правы и древние люди, обожествлявшие стихии, и поморы, говорившие: «Кто в море не плавал, Богу не молился!»

Ветра

Не могу перестать говорить о Соловках и Белом море, но надо же когда-нибудь и остановиться. Пусть в завершение будет еще один подарок этой земли – совершенно волшебные имена поморских ветров. Каждое звучит как песня, заговор или молитва: сиверко, полночь, обедник, полуден, летник, шелоник, паужник, глубник, голомяник, всточник. Но самую лучшую песню поет поветерь – попутный ветер. Потому что именно он приведет меня сюда снова.

КРАЙ ЗЕМЛИ, где гуси говорят с ушедшими

Третий день что-то неясное тяготило и беспокоило. Словно что-то неладное уже случилось, но еще не узнано.

А потом мне приснился дед-помор. Я наконец-то приехала к нему в гости, как давно собиралась, в деревню под Архангельском, в которой не была со смерти бабушки. Встреча наша наполнилась радостью, но и печалью. Дед обнял меня, щекопча бородой, и я чувствовала привычный солёный запах моря и табака.

Мы были на его карбасе – большой парусно-гребной лодке. Палуба покачивалась под ногами. Долго плыли сквозь туман. У руля сидел хмурый немногословный старик. В вязаной рубахе, портах и бахилах с длинными голенищами он выглядел выходцем из далёкого прошлого.

– Товарищ мой, вож корабельный, – представил его дед. – По-вашему, лоцман.

Я поздоровалась.

– И ты путём-дорогой здрава будь, – ответил он.

Туманная дымка на море становилась гуще. Мелкие капли мороси оседали на одежде. Убаюкивая плескалась вода. Где-то в вышине кричали гуси.

– Не в Гусину ли Землю подалися? – вымолвил дед.

– Не иначе, – кивнул вож.

– Я знаю, – оживилась я. – На карте видела. Это полуостров где-то тут у вас, в Архангельской области!

Дед фыркнул.

– Много ты понимаешь, дитя! Та Гусиная земля это одна, тутошняя. А эта совсем другая – тамошняя.

– Что за тамошняя земля?

– А вот что! – дед помолчал и продолжил, как песню запел. – Поморам Студёно море испокон веку кормилец и поилец, начало и конец. Неогляден простор морской. И есть дальний северный край, что зовется Гусиной Землей – туда уходят души хоробрых и добрых людей. И туда прилета-

ют гуси, чтобы говорить с ушедшими. И доставлять о них весточки живым.

– То есть это поморский рай такой? А гуси – ангельская почта?

– Дурёха ты! – беззлобно сказал дед.

– Как думаешь, баба Нина там сейчас? – неожиданно для себя спросила я и тут же пожалела о сказанном.

– Там, – уверенно и спокойно ответил дед. – Где ещё ей быть, родимой?

Мы всё плыли и плыли. Сложно было представить, как старики ориентировались в таком тумане. Будто услышав мои мысли, дед проговорил:

– Хмаря такая, точно Варлаам жену везёт.

– Что?

– Присловье такое, дитя, когда густой туман сходит.

– И куда Варлаам везёт жену?

– Попотчую тебя былиной-старинной. То наш – и стал быть и твой – поморский святой, покровитель мореходов. Вот послушай-ко, что раньше люди говорили...

Отец Варлаам родился в Керети, на Лопском берегу, был настоятелем в Коле. Жил там в мире и любви со своей хозяйшкой, был добрым пастырем прихожанам. Как-то изгнал беса с Абрам-мыса. Да бес тот, уходя, проклял его. И пришла беда. Сказывают, будто хозяйка Варлаама бесноваться стала, он пытался беса-то изгнать, да и убил её нечаянно.

Дед помолчал.

– И так сокрушен был Варлаам своим деянием, что сам себя наказал непомерно: плавать по морю с гробом убиенной, доколе тело её не истлеет, моля Бога об отпущении греха. – Дед раскуривал трубку. – Быстро срядился Варлаам и отворил паруса. Путь его лежал от Керети до Колы и обратно. Так сокрушалось сердце его, что путь этот был всегда против обуревания, через непогоду. Посему присловье есть: «Пошел, как Варлаам против ветра». Много лет

он скитался, покуда не искупил свой грех и не вымолил у Бога прощения. А кой-кто рассказывает: и донныне карбас его плавают. И будто подвластны ему ветра и туманы, – проговорил дед со значением. – Отсюда давнотное поверье: коль сгущается туман, то Варламова лодья подходит.

Он продолжил совсем тихо, после долгой паузы.

– В моём детстве старики баяли: Варлаам посылает дорожку найти и живым, и тем, кого море взяло. Одним домой, другим на тот свет. – Где-то поблизости снова прокричали гуси. Старик кивнул в ту сторону. – Знамо, в Гусиную Землю. Деды так рассказывали.

– Ты в это веришь? – недоверчиво спросила я.

– Нешто не верить! – обиделся он. – Наше море-то Студёное уж больно норовисто да переменчиво. И тут иначе не скажешь: кто в море не плавал, Богу не молился.

Мы плыли ещё какое-то время, прежде чем туман стал постепенно рассеиваться. Сквозь его прорехи уже открывалось небо. Вож сказал:

– Уже близко.

Дед вдруг заторопился.

– На-ко, смотри-ко, дитя, что у меня тебе припасено.

И осторожно вынул из-за пазухи сверток.

Я развернула его и залюбовалась. Там была деревянная поморская птица. Та, которую подвешивают под потолком на счастье. Длинной шеей и изящно выточенным станом фигурка походила на звонкую да ладную летучую ладью с ажурными крыльями-парусами. Птица-ладья!

– Для тебя сделал.

Как я любила этих птиц в детстве! Казалось,

подбрось, и взлетят, трепеща крыльями. Но они были слишком хрупкими для моих пальцев. Так что мне позволялось лишь смотреть, как они кружились под потолком от легчайшего ветерка.

– Спасибо, дед!

– Здоровья тебе на всех ветрах!

Он обнял меня, снова уколол щеку бородой.

– Ты что, прощаешься?

Дед не ответил. Туман продолжал расходиться. Неясно проявлялся берег.

– Где это мы? – я огляделась.

На показавшемся берегу в ожидании стояла женская фигура.

– Ой, неужто это...?

– Негоже тебе туда смотреть! – неожиданно прикрикнул вож. По странной логике сна, это не вызвало у меня возражений, я отвернулась.

– Теперь пойду я, – вымолвил дед и, не дожидаясь, пока лодка подплывёт ближе, прыгнул за борт. Вож разворачивал карбас прочь от берега...

Под утро меня разбудили непривычные для города звуки – крики пролетающих диких гусей. Они звучали как прощание.

Тревожное ожидание беды растворилось. Я лежала, нежась в остатках сна, как в тёплых заботливых руках.

Лишь долгую минуту спустя до сознания дошло: у меня никогда не было деда-помора!

За окном начинало светлеть. В высоком небе плыли громады облачных птиц-кораблей. Они неслись к северу на всех парусах.

□

Вероника Юрьевна ВОРОНИНА

окончила журфак МГУ.

*Проза публиковалась в альманахе «Земляки»,
журналах «Литерра Нова», «Нижегород»,
коллективных сборниках «Литературные фестивали»,
«Разумные доводы» и др.*

*Публицистика, литературная критика и эссеистика –
в журналах «Формаслов», «Мир Севера», Rara Avis, «Дактиль».
в газете «Литературная Россия», на «Литературном радио» и др.
Победитель конкурса «Без границ-2021» (номинация «Публицистика»).*

*Дипломант Международного конкурса одного рассказа
на LITER-RM.RU-2019.*

Живет в Люберцах.

В журнале «Север» публикуется впервые.

